

**ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА:
ИСТОРИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Памяти профессора
Льва Дмитриевича Кокорева
посвящается**

Издательство
Воронежского государственного университета
2006

УДК 343.13(470)(082)

ББК 67.408

П78

Редакционная коллегия:

доц. *Ю. В. Астафьев*, проф. *О. Я. Баев*,
канд. юрид. наук *Д. В. Зотов* (зам. отв. редактора),
проф. *В. А. Панюшкин* (отв. редактор)

Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. — 744 с.: ил.

ISBN 978-5-9273-1353-2

Книга посвящена жизненному и творческому пути известного ученого, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заведующего кафедрой уголовного процесса Воронежского государственного университета Льва Дмитриевича Кокорева (1925—1995).

Публикуются его монография в соавторстве «Очерк развития науки советского уголовного процесса» (Воронеж, 1980) и статьи о современной судебной реформе и новом УПК России. Интерес представляют библиографический указатель трудов, документы и фотографии из научного архива Льва Дмитриевича Кокорева.

В книгу включены также материалы состоявшейся 16—17 декабря 2005 года в Воронежском государственном университете научно-практической конференции «Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность».

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, судей, должностных лиц правоохранительных органов, а также всех интересующихся историей и современным состоянием теории и практики российского уголовного процесса.

УДК 343.13(470)(082)

ББК 67.408

ISBN 978-5-9273-1353-2

© Воронежский государственный университет, 2006
© Издательство Воронежского государственного университета, 2006

либо “общеизвестным” не может восприниматься серьезными исследователями в качестве положительного фактора в любой сфере знаний, а в праве — тем более. “Общеизвестные догмы”, стереотипы мышления были характерны для тоталитарных режимов, однако и в те времена были инакомыслящие. Позитивное право настолько динамично, что попытки возвести в абсолют любые теоретические положения на сколько-нибудь продолжительную историческую перспективу — “бесперспективны”. В утверждении “общеизвестности” содержится и элемент психологического и “мягкого интеллектуального насилия” над творческой личностью, обладающей самостоятельным и независимым мышлением. Это руководство для ученых, косвенный запрет на поиски истины, поскольку найти желающих подвергать сомнению то, что “общеизвестно”, не просто. То есть формально и по существу обозначенное положение названных статей Конституции РФ и УПК РФ находится в прямом противоречии со ст. 28, ч. 3 ст. 29, ст. 44 Конституции РФ и будет содействовать застою теоретической мысли.

¹ См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. — М.: Наука, 1968. — Т. 1; Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. — М., 1989.

² Уголовный процесс: Учебник / Под ред. Н. С. Алексеева и В. З. Лукашевича. — Л., 1989.

³ См.: *Лазарева Л. В., Марышева Н. И., Пантелеев И. В.* Иностранцы граждане (правовое положение). — М., 1992.

⁴ См.: Архив Краснодарского краевого суда за 2004 г.

С. Б. РОССИНСКИЙ

Кандидат юридических наук, доцент

Московский городской университет управления Правительства Москвы

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Все действия и решения органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, а также поведение других участвующих в уголовном деле обличены в определенные законом рамки и осуществляются посредством строго установленных правовых процедур — процессуальных форм.

Процессуальная форма является одной из основных категорий науки уголовного процесса. Она обуславливается и самой сущностью уголовного судопроизводства и его принципами. Как справедливо подчеркивает Ю. А. Иванов, своевременное и правильное применение уголовного закона к лицам, совершившим преступление, обеспечивается надлежащим порядком производства по уголовным делам, определяемым уголовно-процессуальным законодательством и облакаемым в процессуальные формы, которые призваны содействовать установлению истины и

обеспечивать соблюдение прав и законных интересов всех участников процесса¹. Процессуальная форма является специфической разновидностью формы государственной деятельности, которая обусловлена назначением уголовного судопроизводства и его принципами. Иными словами, процессуальная форма является неотъемлемой частью уголовного судопроизводства².

Понятие и сущность уголовно-процессуальной формы традиционно являлись предметом бурных дискуссий ученых-процессуалистов.

Так, М. А. Чельцов писал, что процессуальной формой следует называть установленный законом порядок производства отдельных процессуальных действий (или их совокупности)³. Р. Д. Рахунов полагал, что уголовно-процессуальная форма — это точно регламентированный законом порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности⁴. М. С. Строгович утверждал, что процессуальной формой называется совокупность условий, установленных процессуальным законом для совершения органами следствия, прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, а также для совершения гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности⁵. В. Н. Шпилев отмечал, что наиболее приемлемым определением процессуальной формы как формы процессуальной процедуры является то, которое охватывает не только совокупность условий, предусмотренных процессуальным законодательством для совершения процессуальных действий, но и их последовательность, порядок закрепления и оформления процессуальных действий, процессуальные сроки⁶.

Давая комплексную оценку вышеуказанных суждений известных ученых в области уголовно-процессуального права, мы приходим к следующим промежуточным выводам. Так, нельзя полностью согласиться с определением процессуальной формы, которое давал М. А. Чельцов. Представляется, что, по его мнению, она может быть установлена лишь для отдельных процессуальных мероприятий (например, для допроса или обыска), а также для их совокупности (например, для отдельной стадии процесса или для процессуальной комбинации⁷). Однако, на наш взгляд, форма установлена и для всей уголовно-процессуальной деятельности. Она обусловлена историческим типом (формой) уголовного судопроизводства и заключается в последовательном осуществлении всех его стадий.

Определение процессуальной формы, представленное в работах М. С. Строговича, является как бы более развернутым. При этом следует обратить особое внимание на то, что автор совершенно справедливо распространял действие процессуальных форм как на органы предварительного расследования, прокуратуру и суд, так и на других участников производства по уголовному делу. Ведь и подозреваемый, и обвиняемый, и потерпевший, и другие участники реализуют свои процессуальные права (подают жалобы, заявляют ходатайства, знакомятся с материалами уголовного дела) в строго установленном порядке. Однако при этом М. С. Строгович, так же как и М. А. Чельцов, говорил только о формах, установленных для отдельных процессуальных действий, а не для всего судопроизводства в целом.

Определение процессуальной формы Р. Д. Рахунова, с одной стороны, нам представляется более полным по содержанию, чем у М. А. Чельцова и М. С. Строговича, так как в него включается вся уголовно-процессуальная деятельность, а

не только отдельные действия. Вместе с тем, с другой стороны, это определение несколько пространное; читателю не совсем ясно, что именно понимает автор под этой самой уголовно-процессуальной деятельностью.

Позволим себе также не в полной мере согласиться с суждением В. Н. Шпилева относительно того, что процессуальная форма должна выражаться и в совокупности условий для осуществления процессуальных действий, и в самой последовательности этих действий, т.е. в их порядке. Думается, что процессуальный порядок и совокупность процессуальных условий — это понятия тождественные. Так, порядок любого процессуального мероприятия устанавливается закрепленными в законе правовыми нормами — условиями, каждое из которых, в свою очередь, является элементом этого порядка. Тем более что приводимые автором примеры процессуальных сроков, фиксации хода и результатов следственных действий и являются теми самыми условиями.

Анализ современной литературы по данной проблематике показывает, что в настоящее время ученые-процессуалисты так и не выработали единого научного подхода к понятию и сущности уголовно-процессуальной формы.

Так, И. Л. Петрухин полагает, что уголовно-процессуальная форма — это установленный регламент расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел в судах; это совокупность общих, наиболее существенных условий, которым должна отвечать уголовно-процессуальная деятельность, обеспечивающая достижение целей судопроизводства⁸. Н. П. Кузнецов говорил о процессуальной форме как о закрепленной уголовно-процессуальным правом структуре всего уголовного процесса и отдельных его стадий, последовательности и порядке совершения процессуальных действий и закрепления их в правовых актах⁹.

Последнее из указанных определений представляется наиболее полным и содержательным, однако, по нашему мнению, и оно полностью не раскрывает сущности рассматриваемой процессуальной категории. Так, автор говорит только о действиях, которые подлежат закреплению в правовых актах, т.е. о формах деятельности субъектов уголовной юрисдикции¹⁰. Хотя, как еще отмечал М. С. Строгович, в процессуальную форму обличены не только действия дознавателя, следователя, прокурора или суда, но и практически всех участвующих в уголовном деле лиц. Попутно заметим, что этот тезис стал еще актуальнее в свете нового УПК РФ, где законодатель достаточно подробно устанавливает процессуальный порядок реализации своих прав подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и другими заинтересованными лицами¹¹.

Подводя небольшой итог анализу рассмотренных выше суждений, следует отметить, что каждое из них имеет и свои преимущества, и свои недочеты. Однако при этом думается, что все они без исключения содержат общий недостаток. Ни в одном из них не упоминаются основные признаки процессуальной формы, а именно: всеобщность, единство и обязательность. Некоторые авторы раскрывают эти признаки отдельно от определения, а некоторые не упоминают о них вовсе. Но нигде эти признаки не включены в содержание самого понятия уголовно-процессуальной формы. А вместе с тем такие признаки являются основными и видообразующими.

Так, под всеобщностью процессуальной формы следует понимать требование, предусматривающее единый для определенной категории уголовных дел порядок

производства, который не зависит от их объема или сложности. Ведь уголовно-процессуальный закон устанавливает некоторые разграничения в порядке расследования и судебного разбирательства только по формальным основаниям. В качестве таких оснований могут выступать:

- квалификация преступления (например, все уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 158 УК, расследуются только в форме предварительного следствия; все уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК, рассматриваются только судом субъекта РФ или приравненным к нему военным судом и т.д.);
- наличие специального субъекта (несовершеннолетнего, депутата Государственной Думы или члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ, судьи и т.д.);
- наличие ходатайства обвиняемого о рассмотрении уголовного дела по существу в особом порядке (с участием присяжных заседателей или без проведения судебного разбирательства);
- другие основания.

При этом фактические основания: место, время, способ совершения преступления; количество эпизодов преступной деятельности; число лиц, привлеченных к уголовной ответственности, и т.д. согласно действующему законодательству никоим образом не влияют на установленный порядок уголовного судопроизводства.

Единство процессуальной формы заключается в одинаковом порядке производства по уголовным делам на всей территории РФ. Такое положение обусловлено тем обстоятельством, что п. «о» ст. 71 Конституции РФ относит уголовный процесс к федеральному ведению. В связи с этим законодатель определяет, что порядок уголовного судопроизводства на всей территории РФ устанавливается только УПК РФ и является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и дознания, а также для иных участников (ч. 1, 2 ст. 1 УПК РФ). Таким образом, полностью исключается возможность субъектов РФ или органов местного самоуправления устанавливать свой особый порядок уголовного судопроизводства¹².

И, наконец, обязательность процессуальной формы заключается в точном и неукоснительном исполнении участниками уголовного судопроизводства ее предписаний. Это положение является одним из неперенных условий законности производства по уголовному делу. А нарушение указанных предписаний лишает полученные таким образом результаты юридической силы (например, нарушение уголовно-процессуального закона обуславливает признание доказательств недопустимыми (п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ); является основанием для отмены или изменения судебного решения в суде II инстанции (ст. 381 УПК РФ) и т.д.).

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что уголовно-процессуальной формой следует считать предусмотренный законом всеобщий, единый и обязательный порядок, установленный для:

- производства по уголовным делам в целом;
- осуществления самостоятельных стадий уголовно-процессуальной деятельности;
- производства отдельных процессуальных действий и принятия процессуальных решений органами дознания, следователем, прокурором и судом;
- осуществления своих прав и исполнения обязанностей подозреваемым,

обвиняемым, защитником, потерпевшим и другими участниками уголовного судопроизводства.

Последние два элемента уголовно-процессуальной деятельности, по сути, являются формами реализации отдельных уголовно-процессуальных отношений.

Поэтому, на наш взгляд, под *уголовно-процессуальной формой* следует понимать предусмотренный законом всеобщий, единый и обязательный порядок, установленный для производства по уголовным делам в целом, а также для осуществления самостоятельных стадий уголовно-процессуальной деятельности и реализации отдельных уголовно-процессуальных отношений в частности.

Думается, что такое определение уголовно-процессуальной формы наиболее полно раскрывает ее сущность и позволяет охватить все без исключения правоотношения, возникающие в процессе производства по уголовному делу.

¹ См.: *Иванов Ю. А.* Уголовно-процессуальная форма // Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. — М.: Юрид. лит., 1989. — С. 118.

² См.: *Якуб М. Л.* Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. — М.: Юрид. лит., 1981. — С. 7.

³ См.: *Чельцов М. А.* Советский уголовный процесс. — М.: Госюриздат, 1951. — С. 33.

⁴ См.: *Рахунов Р. Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. — М.: Юрид. лит., 1961. — С. 71.

⁵ См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса: В 2 т. — М.: Наука, 1968. — Т. 1. — С. 51; *Строгович М. С.* Уголовно-процессуальный закон и уголовно-процессуальная форма // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / Под ред. В. М. Савицкого. — М.: Наука, 1979. — С. 16.

⁶ См.: *Шпилев В. Н.* Содержание и формы уголовного судопроизводства. — Минск: Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1974. — С. 102—103.

⁷ Под процессуальной комбинацией мы понимаем предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством комплекс определенных взаимообусловленных следственных действий и иных процессуальных мероприятий, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства и производимых на основании общего процессуального решения (например, контроль и запись переговоров, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка и т.д.). Подробнее об этом см.: *Россинский С. Б.* Процессуальные комбинации: понятие и сущность // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург. 27—28 января 2005 г. — Екатеринбург, 2005. — Ч. 2. — С. 211—218; *Россинский С. Б.* Задержание подозреваемого как процессуальная комбинация // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. к 50-летию юбилею кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России. 28—29 апреля 2005 г. — М.: Академия управления МВД России, 2005. — Т. 1. — С. 164—168.

⁸ См.: *Петрухин И. Л.* Понятие, принципы и общие положения уголовного процесса и уголовно-процессуального права // Уголовный процесс: Учеб. / Под ред. И. Л. Петрухина. — М.: Проспект, 2001. — С. 7.

⁹ См.: *Кузнецов Н. П.* Сущность, назначение и основные положения уголовного процесса. Предмет и система курса // Уголовный процесс России: Учеб. пособие / Под ред. Н. П. Кузнецова, З. Ф. Ковриги. — Воронеж: ВГУ, 2003. — С. 12.

¹⁰ Под субъектами уголовной юрисдикции мы понимаем государственные органы и

должностных лиц, уполномоченных на осуществление уголовно-процессуальной деятельности, т.е. органы дознания, предварительного следствия, прокурора и суд.

¹¹ Например, в новом УПК, в отличие от ранее действующего, более четко регламентирован порядок заявления ходатайств, обжалования в суд действий и решений субъектов уголовной юрисдикции и т.д.

¹² Некоторым исключением из единства процессуальной формы является положение, согласно которому субъекты Федерации, имеющие статус республик, вправе осуществлять уголовное судопроизводство на своем государственном языке (ч. 1 ст. 18 УПК).

В. М. ТЕРТЫШНИК

Профессор

Юридическая академия МВД Украины

**НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ:
МОЙ ДОМ — МОЯ КРЕПОСТЬ
ИЛИ МОИ ПРАВА — МОЕ БОГАТСТВО**

Актуальность проблемы обеспечения неприкосновенности личной жизни обуславливается приоритетом защиты прав человека в условиях реализации идей правового государства в сфере правосудия. Проводимая с этой целью в Украине, России и Белоруссии судебно-правовая реформа в концептуальном плане не всегда последовательна, о чем все чаще пишут ученые-юристы как Украины¹, так и России².

Новый УПК Республики Беларусь принцип охраны личной жизни уже включил в систему принципов правосудия, посвятив ему отдельную статью³. В уголовно-процессуальном праве Украины и России данный принцип рассматривается зачастую в общей совокупности с принципами неприкосновенности жилища, обеспечения тайны почтовой и иной корреспонденции, не всегда получает однозначное толкование.

Исследованию проблем неприкосновенности личной жизни, несмотря на исключительную их актуальность, посвящены лишь немногие работы ученых-юристов⁴. Следует заметить, что как в теории права, так и в законе четко не определены ни понятие сферы личной жизни, ни гарантии ее защиты.

Личная жизнь, по мнению специалистов в области гражданского права и процесса, — это поведение лица за пределами его работы, обучения и общественной деятельности.

Согласно ст. 271 ГК Украины каждый человек вправе свободно, по своему усмотрению, определять свое поведение в сфере личной жизни, а физические и юридические лица согласно ст. 273 ГК Украины обязаны воздерживаться от действий, которыми эта свобода может ограничиваться.

В самом кратком понимании *сфера личной жизни* — это система различных обстоятельств существования человека, информации о которых он сам предоставляет статус конфиденциальности, закрывая ее для постороннего взора и вмешательства. Это такая сфера, где человек сам определяет, что и в каком объеме она